

Когда рабочее руководство самовольно переместилось в спальню, А Янь уже проснулся.

Он лег рано и пробудился даже раньше, чем вчера, но лежал совершенно неподвижно, стараясь не издавать ни единого звука. Заметив коммуникатор, который воспитатель оставил на прикроватной тумбочке, он осторожно, на ощупь, выключил устройство и убрал его подальше.

Если воспитатель проснется от лишнего шума, он наверняка будет недоволен.

А Янь больше всего на свете не хотел, чтобы события вчерашнего утра повторились. Тот холодный воспитатель с бледно-золотистыми глазами, хоть и не причинил ему вреда, всё же внушал определенный, почти первобытный страх.

К тому же мальчик искренне желал, чтобы воспитатель как следует выспался.

Ведь те стажеры-воспитатели, что покидали это место раньше, подавали заявления об увольнении в базу именно из-за изматывающих ранних подъемов.

А Янь не хотел, чтобы Су Цы ушел, поэтому чувствовал себя обязанным оберегать его покой.

Аккуратно положив коммуникатор на место, А Янь снова тихо забился под теплое одеяло. Он лежал на одной подушке с воспитателем, с замиранием сердца наслаждаясь близостью, доступной сейчас только им двоим.

Ему бесконечно нравилось это ощущение: тонкий, едва уловимый запах воспитателя окутывал его, даря долгожданное чувство абсолютного покоя и тихой радости.

Пока он с детским любопытством разглядывал его лицо, беззвучно пересчитывая длинные густые ресницы, внимание внезапно привлекло странное колебание воздуха.

Он приподнял голову и увидел книгу, возникшую буквально из ниоткуда.

Это было то самое руководство для воспитателей. А Янь отчетливо помнил, что вчера воспитатель даже укрывался ею от дождя.

Вечером, когда воспитатель доставал её, чтобы почитать, книга тоже парила в воздухе и сама собой перелистывала страницы. Неужели...

А Янь тревожно посмотрел на Су Цы, но обнаружил, что глаза юноши плотно закрыты, а дыхание остается ровным и глубоким – он спал крепко и совсем не собирался просыпаться.

Значит, это сделал не воспитатель...

Тогда что это за книга такая?

А Янь нахмурил маленькие брови и снова уставился на рабочее руководство. От книги исходило странное, едва ощутимое колебание, которое показалось ему смутно знакомым.

Затем книга сама собой раскрылась, и на безупречно белых страницах начали проступать светящиеся буквы.

А Янь не успел даже разобрать, что там написано, как книга внезапно испустила резкое бледно-красное сияние, от которого он невольно зажмурился.

Что происходит?

Привыкнув к свету, А Янь украдкой приоткрыл глаза и увидел, что бледно-красное свечение медленно опустилось на воспитателя, плотным коконом окутав его фигуру.

На тюремной звезде красный цвет почти всегда был связан с опасным красным туманом.

Глядя на этот злобный свет, окружавший воспитателя, А Янь почувствовал, как сердце сжалось от острого страха.

Воспитателю грозит опасность!

Осознав это, А Янь в панике вскочил и с нескрываемой тревогой посмотрел на Су Цы. Как и ожидалось, юноша, чье лицо до этого оставалось абсолютно спокойным, теперь нахмурился во сне.

Что эта проклятая книга хочет сделать с воспитателем?

А Янь знал, что если он разбудит воспитателя, тот может рассердиться, но, помедлив лишь мгновение, всё же решительно протянул руку и толкнул его в плечо.

Однако Су Цы никак не отреагировал.

Он по-прежнему спал, а от настойчивых толчков А Яня лишь сильнее нахмурился, словно ему стало плохо или он увидел какой-то кошмар.

Видя это, А Янь сердито и яростно уставился на книгу.

Бледно-красный свет не был направлен непосредственно на него, но чем дольше он смотрел на сияние, тем сильнее чувствовал, как внутри что-то пробуждается и рвется наружу.

В голове стремительным потоком промелькнули смутные, пугающие образы.

Монстры...

Много-много жутких монстров...

В черно-красных глазах ребенка вновь проступили ярко-красные прожилки, которые почти

исчезли, а аура начала стремительно расти, становясь тяжелой. Волосы на голове слегка зашевелились, повинаясь внутреннему напряжению.

На лице А Яня в порыве гнева проступила острая, почти взрослая решимость.

«Убить! Перебить их всех до единого!»

Он с огромным трудом приоткрыл рот, и одно это крошечное движение, казалось, отняло все имеющиеся силы.

Красные прожилки в глазах ребенка поползли к самым уголкам, словно соединяясь со вздувшимися венами на висках, что выглядело пугающе и свирепо.

Рабочее руководство, казалось, почувствовало угрозу: красный свет не только не ослаб, но стал еще ярче и ослепительнее.

«Воспитатель должен вставать в пять утра».

Эти десять иероглифов один за другим буквально сорвались со страниц и стремительно полетели в сторону А Яня, словно желая атаковать ребенка, но в воздухе они резко свернули и с силой ударили в Су Цы.

А Янь смотрел на это, и его глаза, густо залитые кровью, казалось, вот-вот начнут кровоточить от напряжения.

Наконец, благодаря невероятным усилиям, в приоткрытом рту сформировался невнятный, хриплый звук, и в тот самый момент, когда он был готов закричать...

Тонкая изящная рука внезапно поднялась вверх.

В следующее мгновение буквы, летевшие с ужасающей силой, мгновенно застыли в воздухе, превратившись в замершие остаточные изображения. От бешеного движения до абсолютной

неподвижности прошел всего один короткий вдох.

А Янь замер, звук застрял в горле. Он растерянно моргнул, с глубоким недоумением глядя на воспитателя.

Су Цы всё еще не открывал глаз, но на его лице проступило крайнее раздражение и холод. От одного взгляда на него становилось не по себе из-за исходящей от юноши свирепой, подавляющей ауры.

Под оцепенелым взглядом А Яня юноша небрежно, почти лениво взмахнул поднятой рукой.

Такая тонкая рука, белая и чистая, как дорогой нефрит, казалась совершенно хрупкой – казалось, если он ударит кого-то, то сам же и пострадает от этого столкновения.

Однако от этого легкого, почти невесомого взмаха застывшие в воздухе бледно-красные иероглифы в мгновение ока отлетели назад с чудовищной скоростью!

Шух!

Буквы с силой вбило обратно в книгу, и само рабочее руководство отлетело в сторону.

С глухим, тяжелым стуком книга врезалась в металлическую стену и глубоко в неё вошла, не оставив даже малейшего выступа.

Красный свет на руководстве мигнул пару раз, словно оно отчаянно пыталось выбраться из стены, но в конце концов энергия иссякла, и свечение быстро погасло.

Книга осталась замурованной в стене, окончательно затихнув.

Все аномалии в спальне прекратились.

- Гул-лу...

Сидевший рядом А Янь, ставший свидетелем всего этого процесса, переводил взгляд с книги на воспитателя и невольно сглотнул.

Су Цы совершенно не обратил внимания на его реакцию, он даже не приоткрыл глаз.

Отшвырнув книгу, он медленно опустил руку, и выражение раздражения на его лице постепенно сменилось привычным спокойствием. Он даже потерся щекой о мягкую подушку, нашел более удобное положение и заснул еще крепче.

Спящий юноша снова выглядел мягким и безобидным, и в нем теперь было совершенно невозможно распознать ту сокрушительную опасность, которую он только что проявил.

А Янь снова посмотрел на книгу в стене, и почему-то в сердце пришло внезапное осознание: возможно, та опасность, от которой у него так сжалось сердце, исходила вовсе не от этой странной книги, а...

А Янь взглянул на воспитателя и невольно почесал затылок.

В этот момент красные вены на его висках уже исчезли, как и кровавый блеск в глазах, а поднявшаяся аура полностью утихла.

Он снова стал обычным, худеньким и даже немного истощенным ребенком.

А Янь осторожно коснулся уголка глаза. На самом деле он и сам не до конца понимал, что произошло бы, если бы он продолжил, он просто инстинктивно чувствовал, что только так сможет защитить воспитателя.

А когда он окончательно успокоился...

На него внезапно навалилась тяжелая волна сонливости. А Янь потер глаза маленьким

кулачком и беззвучно зевнул.

Он посмотрел на спящего воспитателя: тот спал так сладко, что ему тоже очень захотелось... Если он будет вести себя тихо, его ведь не выбросят, как ту книгу?

Вчера утром воспитатель тоже его не выбросил...

В конце концов, А Янь был слишком утомлен. Он перестал размышлять, осторожно пододвинулся и снова лег рядом с Су Цы.

Веки стали свинцово тяжелыми. Едва он закрыл глаза, как почувствовал, что чьи-то сильные руки обняли его, и всё тело погрузилось в теплое, знакомое объятие.

А Янь с трудом приоткрыл один глаз, но увидел лишь мягкие складки на пижаме юноши.

Затем он окончательно сдался и, полностью утопая в сонливости, уткнулся головой в грудь воспитателя, проваливаясь в глубокий, безмятежный сон.

В комнате воцарилась абсолютная тишина.

Время шло, свет снаружи становился всё ярче. Когда А Янь снова проснулся, воспитатель уже сидел на краю кровати.

Юноша пристально, не мигая, смотрел на книгу, вбитую в стену.

Вспомнив, что произошло перед сном, А Янь мгновенно прогнал остатки дремоты и поспешно сел.

Су Цы заметил его движение и повернул голову. Увидев, что лицо ребенка бледное, а в глазах, кажется, стало еще больше красных прожилок, он слегка нахмурился.

Он протянул руку и ласково взъерошил пушистые мягкие волосы ребенка, тихо спросив:

– Что ты сделал?

А Янь, бесконечно обрадованный тем, что его гладят по голове, замер, а над его маленькой головой словно возник огромный, прозрачный вопросительный знак.

Он ничего не делал...

Конечно, можно было сказать, что он просто не успел ничего сделать.

Но он не мог выразить это словами, а Су Цы уже убрал руку и посмотрел на рабочее руководство, которое тихо «притворялось мертвым», будучи вбитым в стену, после чего встал и подошел к нему.

А Янь: – ...

Су Цы внимательно смотрел на книгу в стене. Он, конечно, помнил это руководство, но... как оно вообще здесь оказалось?

Стоило ему подумать об этом, как книга сама вылетела из стены и зависла прямо перед ним.

Обложка была чистой и гладкой, словно её только что принесли из лучшей типографии. Вмятины, оставшиеся после того, как он укрывался ею от дождя, полностью исчезли, не осталось даже единой капли крови, упавшей на обложку.

Внешне она выглядела даже новее, чем в тот день, когда Су Цы впервые получил её, только переплет немного ослаб, словно книга развалилась от одного сильного удара.

Су Цы пролистал первые страницы.

Текст ничем не отличался от того, что он видел раньше.

Однако, когда он по наитию открыл первую страницу раздела «Питание», то увидел, что первая строчка исчезла, и осталась лишь краткая фраза: [Приготовить завтрак для детенышей].

Полистав еще немного, Су Цы примерно понял, что именно произошло и куда делся тот крошечный кусочек паутины, который он так и не смог найти вчера.

Книга впитала каплю его крови, поглотила загрязнители из дождевой воды и тот самый кусочек паутины, что привело к весьма интересным изменениям.

Зародыш книжного духа, обладающий силой правил.

У него еще не было полноценного сознания, лишь слабые, примитивные инстинктивные реакции. Конечно, до уровня настоящего духа ему было еще очень далеко.

Хотя это и было неожиданно, но не так уж удивительно.

В конце концов, рабочее руководство впитало каплю его божественной крови, так что пробуждение разума можно считать его собственной удачей.

Только вот...

Характеристики этого духа оказались весьма своеобразными.

Су Цы задумчиво потер подбородок, не придавая этому особого значения. Он закрыл книгу и небрежно вернул её обратно в стену.

Рабочее руководство, которое до этого притворялось мертвым, в момент возвращения в стену снова испустило слабый красный свет, и страницы мелко задрожали.

Однако как бы оно ни старалось, выбраться из стены ему не удавалось. Оно могло лишь тщетно

излучать эмоциональные волны, в которых гнев смешивался с глубоким страхом.

В представлении Су Цы книжные духи обычно были мягкими, уравновешенными и дружелюбными. Такого раздражительного и агрессивного духа, даже в зачаточном состоянии, он видел впервые.

Вспомнив, что дух родился под кровавым дождем, Су Цы перестал удивляться.

По сравнению с этим А Янь, который долгое время находился в окружении красного тумана, пропитанного негативными эмоциями, но сумел сохранить чистоту сердца и вырасти таким послушным и милым, казался настоящим чудом.

Хотя дух, владеющий силой правил, был чем-то особенным, у него уже был А Янь, и не было лишних сил на воспитание беспокойного книжного духа.

Подумав об этом, Су Цы слегка коснулся кончиком пальца обложки. Книга, которая продолжала бороться, резко вздрогнула и окончательно затихла.

Сможет ли она когда-нибудь обрести форму – зависело теперь только от её собственной судьбы. Конечно, если в итоге она вырастет в злого духа, Су Цы придется принять решительные меры.

В конце концов, нынешняя земля уже не выдержит новых потрясений. Ему нужны верные помощники для восстановления, а не новые разрушители.

Су Цы обернулся и увидел, что А Янь подошел к нему и с искренним недоумением смотрит на него.

– Не обращай на неё внимания, – серьезно сказал Су Цы ребенку. – Твоя первоочередная задача сейчас – поправить здоровье, не трать силы попусту, – сказав это, он снова с любовью потрепал малыша по голове.

Раньше он думал, что А Янь – просто слабый дух, но теперь видел, что, помимо выдающегося таланта, у него есть и серьезные средства самозащиты.

Су Цы с нетерпением ждал роста А Яня. Если всё пойдет по плану, в будущем он станет его главной и самой надежной опорой.

Что касается того, какой именно силой обладает А Янь... Су Цы не стал допытываться. У каждого духа есть свои секреты, и А Яню не обязательно рассказывать ему обо всем прямо сейчас.

А Янь: – ...

Так воспитатель действительно думает, что это он вбил книгу в стену?

А Янь не мог спорить словами.

Конечно, он мог бы попытаться объяснить всё письменно, но... глядя на уверенное и довольное выражение лица воспитателя, он открыл рот и в итоге решил промолчать.

Ну! Раз воспитатель так сказал, значит, так оно и есть. Он... он будет очень стараться и добьется того, чтобы его сила полностью соответствовала ожиданиям! Ребенок посмотрел на книгу в стене, и в его глазах с новой силой разгорелось пламя боевого духа.

Су Цы почувствовал, как ребенок внезапно преисполнился решимости, и невольно удивился.

Разве он не просил его отдыхать? Если он будет бездумно использовать свои способности, когда же его хрупкое тельце, полное скрытых травм, наконец окрепнет?

Впрочем... под его бдительным присмотром у малыша будет не так много шансов натворить серьезных дел.

Су Цы посмотрел на А Яня и решил, что проблем быть не должно, да и не хотелось ему подавлять этот внезапный порыв.

Ведь по сравнению с той мертвой тишиной и пустотой, что он видел при первой встрече, такой живой и энергичный ребенок нравился ему гораздо больше.

<http://bllate.org/book/18549/1811071>